

Глава 1

Сон был серым и вязким. Это была широкая труба с мягкими склизкими стенками, которые, могу поклясться, были живыми. Меня тянуло вниз, будто бы на щиколотки набросили толстую упругую петлю. Там, внизу, меня ждал кипящий холодной слизью омут. Клянись, даже не опуская взгляда, я почему-то угадывала все, что там творилось, а там, между прочим, кипела своя жизнь. Крупные пузыри из плотной клейкой массы, надуваясь до размера с мою голову, лопались с громким звуком, и казалось, что, рождаясь и погибая заново, они вот так смеются надо мной — жалко сопротивляющейся, совершенно голой человечишкой. Дотянуться до петли и попытаться освободить ноги мне и в голову не приходило. Казалось, что не это меня держит, а что-то другое. Страх вообще не было, его место заняла паника, и я просто извивалась всем телом, будто бы это хоть чем-то могло помочь.

Музыка, которая выдернула меня из ужасного сновидения, неожиданно заиграла снова, и я уже осознанно протянула руку к ее источнику. Смартфон должен был стоять на зарядке, но обнаружила я его на полу возле кровати. Очевидно, смахнула во сне рукой.

— Проснулась? — врубился в ухо радостный голос. — Скоро будем.

— Давайте, — ответила я и отключилась.

Оля. Все сразу встало на свои места.

Материться вслух я всегда считала отдельной привилегией, но при соблюдении строгих правил. В тот момент, когда тебе сильно хочется выразиться, рядом не должно быть никого. И находиться непременно нужно на своей территории. В личном убежище. В отдельной комнате, за закрытыми дверьми, чтобы ни одна живая душа не догадалась, что ты на самом деле живой человек.

Почему я после звонка подруги испытала желание послать всех подальше, не выбирая выражений? Это отдельная история. Обычно Оля всегда предупреждала о своем появлении. Но всегда делала это так, как удобно было ей. Ну вот что за человек такой? Я просила ее сигнализировать о прибытии заранее, чтобы не носиться перед ней без штанов или чтобы успеть доделать свои дела, например. Каждый раз она даже извинялась, обещала прислушаться, но...

— Минут за тридцать можешь позвонить? — задавала я дежурный вопрос, услышав ее голос в трубке телефона.

— А сколько времени-то? — каждый раз «удивлялась» подруга. — Код домофона напominiшь?

— Так ты уже возле подъезда!

— Могу уйти.

— Ну ты хоть одна?

Она могла заявиться и не одна, а в последнее время это случалось постоянно. После развода Оля взяла мощную паузу в отношениях, но то была легенда для чужих. Я, как человек свой, знала всю невеселую правду, заключающуюся в том, что Ольга попросту не привлекала мужской пол. Ни в каком качестве. А тот, кто нравился ей, оказывался в отношениях. Ольга же была из числа тех женщин, которые не имели способности брать чужое.

— Ты знаешь, из-за чего мы развелись, — напомнила она как-то. — Кобель. Скотина. И та, с которой он сейчас, тоже была тогда замужем. Ненавижу обоих. И не хочу даже близко походить на них. Сволочи.

Я была с ней согласна в принципе.

— А если зацепит очень сильно? — все-таки поинтересовалась я. — Если весь мир полетит к чертям, когда ты встретишь того самого?

— Такое уже было, но я как скала, — ответила подруга. — Помнишь, я в метро с одним познакомилась? Дура. Странно, но когда я узнала, что он уже встречается с кем-то, то у меня внутри будто заслонка опустилась. Не, Тань, не мое. Я лучше следующего автобуса подожду. Пустого!

А потом в Ольгиной жизни появился Вовка. Так он представился. И я поняла, что называть его Владимиром не смогу. Не шло ему это совершенно. Он был именно Вовкой или Вовой. Высоким и обаятельным парнем, не красавцем и не уродом, не богатым, не бедным, не с заскоками, не с чем-то там еще. Ольгу он подцепил во время исполнения своих служебных обязанностей, которые заключались в доставке интернет-заказов клиентам. Он привез подруге заказанный ею электрический чайник, она дала ему чаевые и уже было попрощалась, а потом он попросил стакан воды. В ответ Ольга протянула ему литровую бутылку. Он поблагодарил, она вежливо в ответ улыбнулась, а вечером он заявился снова, но теперь уже для того, чтобы вернуть ей должок и пригласить прогуляться по Арбату. Ну если не сегодня, то, может, завтра? Или послезавтра, но ему бы очень хотелось. Ольга и согласилась.

— Он не тянул меня к кому-то в гости или к себе домой. Ни к друзьям, ни к знакомым,

не звал в ресторан, не принес цветы, — рассказывала подруга. — Как будто знал, что я не люблю все эти чертовы букеты. Зато притащил шоколадку и пакет с соком, прикинь? И все это подкупило. Он не захотел остаться у меня, он вообще ничего не требовал — он просил. Нет, даже, скорее, *предлагал выбор*. И поехали мы на Арбат своим ходом. А там ведь везде люди, понимаешь? Я не боялась с ним куда-то идти, потому что он... Вообще его не боялась.

— А были какие-то намеки с его стороны?

— Ни разу. Даже сейчас. Но ведь как-то все это ни с того ни с сего, Тань. Ты же бывший мент, должна понимать мои страхи.

Я понимала. На Ольгу, когда ей было четырнадцать, напали в лифте. Она отбилась и успела выскочить из него до *того*, как двери закрылись. Эта травма осталась с ней на всю жизнь.

Высокий, темноволосый, обожающий клетчатые рубашки и простую еду, а еще понимающий тонкий черный юмор, Вова потихоньку завоевал и мое расположение. К моменту нашего знакомства он уже не работал курьером, а устроился переводчиком в небольшое издательство. За его плечами были десять лет проживания в Германии, где работали его родители, а потом спецшкола с углубленным изучением немецкого, но уже

в Тарасове. Дальше совершенствовать свои знания он не стал, высшего образования у него не было, но и того, что имелось, оказалось достаточным, чтобы обрасти заказами в литературно-переводческой сфере. Правда, как он сам признался, иногда в работе случался застой, и тогда Вовка бравым шагом уходил в курьеры.

— Ноги размять, на людей посмотреть, — объяснил он отсутствие тяги к построению карьеры. — Язык кормит, а слово «вышка» даже звучит стремно.

Итак, если бы меня застал в одних трусах парень моей подруги, то это не стало бы трагедией ни в моей, ни в его, ни в Ольгиной жизни. Но сама перспектива оказаться в подобном положении мне совсем не нравилась.

— Какой код-то? — переспросила Ольга.

Я назвала код и отключилась. Влезла в джинсы, схватила бюстгальтер и футболку.

Ночной кошмар хоть и остался позади, но из моего сознания никуда не делся.

Гостям я приготовила кофе и выложила на стол остатки еды.

— Да мы поели уже, — заметила Ольга, намазывая на хлеб сливочное масло.

— А я кофейку бы, — подошел Вовка к кофеварке. — Но сразу скажу: особо на кофе и

чай не налегайте. По дороге слишком много туалетов не будет.

— Я помню, — кивнула Ольга.

— А то будем останавливаться и засветло не доедем, — добавил Вова. — Тань, а молоко есть?

— В холодильнике поищи, — ответила я и ушла в комнату.

В дорогу я начала собираться несколько дней назад. Подкупила недостающие мелочи, запаслась сигаретами, мелким перекусом в дорогу. Проверила походную аптечку, которую всегда старалась держать под рукой на всякий случай. В дальние края я уезжала нечасто, поэтому дежурный чемоданчик под рукой не держала, но именно за аптечкой старалась мало-мальски следить, потому что прекрасно запомнила, как однажды, попав во время расследования в глухую деревушку, сильно простыла, а под рукой оказался один только лейкопластырь.

Закрывая последнюю молнию на дорожной сумке, снова вспомнила недавний сон. Ух, ну и накрыло меня тогда! И страх был, и бессилие — что может быть хуже? В вещи сны я не верила, как и ученые. Любой сон является отражением всего, что уже случилось, но никак не того, что произойдет в будущем. Нет, ну если вдуматься, то запутаться неслож-

но. Например, записан ты к врачу. Прием состоится завтра. И если ночью тебе приснится кто-то в белом халате, а на другой день ты действительно встретишь такого человека, то какой уж тут вещий сон? Это просто отражение ожидаемого, а порой еще и в искаженном виде. Как на картинах Сальвадора Дали. Отличный, кстати, пример.

Но послевкусие подобного запомнившегося сновидения никуда не денется, даже если включить здравый смысл. Особенно если сознание во время твоего сна слишком сильно увлеклось. Мое, если можно так сказать, вообще с дуба рухнуло. Я все еще ощущала ту силу, с которой меня утаскивало куда-то вниз. Ладно, физическое эхо не ощущала, но помнила все так, будто бы все это случилось по-настоящему.

Взвесив сумку в руке, я поняла, что она кажется гораздо легче, чем представлялось. Может, я о чем-то забыла?

— Зубная паста, джинсы, кроссовки, ноут...

Ноутбук. Ну конечно. Этот красавец до сих пор стоял на полу и заряжался. Плюс зарядки. Плюс еще что-нибудь.

В комнату зашла Ольга и принялась.

— Духи-то какие классные, — заметила она.

— Ну да, — согласилась я. — Пшикнулась

— Собралась?

— Еще минуту. Но, в общем, я готова. Почти. А вы что там?

— Да мы-то в порядке, только тебя и ждем. Ехать-то долго.

Ехать действительно предстояло долго — аж в Карелию. Сам Вовка родился в Тарасове, а вот его отец был как раз родом оттуда, куда лежал наш путь. И вот там, в Карелии, у Вовки недавно неожиданно обнаружилась недвижимость в виде недостроенного деревянного дома. Сам он ни разу там не был — стройку затевал еще его дед, для которого Карелия была любимой родиной, а после дедовой смерти дом автоматически унаследовал отец Вовы, но так и не приложил к этому руку, но не потому, что ему было некогда, а потому, что с родителем он когда-то что-то не поделил и прекратил с ним общение до такой степени, что даже после его смерти не хотел возвращаться в родные места. Однако от дома по какой-то причине избавляться не хотел. Причину Вове он не успел объяснить, поскольку полгода назад скончался. Мама у Вовки тоже не было, она ушла из жизни еще раньше. Вот и получилось, что решать что-то предстояло ничего не понимающему Вове.

— Он мало помнит дедушку, да и отец ему почти ничего не рассказывал о своей семье, —

сказала Ольга. — А недавно вдруг выяснилось, что дом-то все еще стоит в несобранном виде, уже сколько лет... Тридцать? Двадцать? Меньше или больше? Отец Вовке про бабушку ничего не рассказывал, а теперь появился какой-то нотариус и говорит: «А у вас, Владимир, недвижимость имеется. Вы в курсе?» Прикинь, услышать такое?

— Странно все это, — призналась я.

— Не то слово, — согласилась Ольга. — Но он проверил, никакого обмана. По документам все сходится. Дед отписал наследство сыну, а потом оно перешло к внуку. Все нормально.

Тогда-то она и пригласила меня провести отпуск в Карелии.

— Два этажа, Тань, — уговаривала Ольга. — Не понравится — уедем. Или ты уедешь. Автобусная станция у них там, а до вокзала рукой подать. Отпуск же, ну?

— Да там от дома за тридцать лет небось одни стены остались.

— Нам фото прислали. Крыша тоже есть.

— Отпуск в городе прекрасен, — отрезала я тогда. — Природу люблю, но жить на ее фоне вряд ли смогу.

— Совсем?

— Совсем, Оль.

— А чего так?

— Ну скучно, Оль. Уже привычка, чтобы вокруг гремело, кричало, гудело. Я же городской человек.

— Это не отдых.

— Это самый настоящий отдых, поверь мне.

— Не бросай меня, — попросила она. — Ты же бывший мент. И моя подруга. Клянусь, что если тебе там не понравится... Лето только началось. Сегодня у нас какое число? Начало июня всего-то!

Для подруги лето в городе было японской пыткой. Но уговорить меня ей долго не удавалось. Во-первых, желанием ехать куда-то я не горела. Во-вторых, не хотела быть третьим лишним. При желании я могла бы найти «в-третьих», «в-четвертых» и много других причин.

— Место позабытое. Там раньше какой-то комбинат был, но в девяностые по этой теме все заглохло, — объяснила Ольга. — Люди стали перебираться в другие города, жизнь там потухла. Вовкины предки же родом откуда, его дед там в милиции служил, только я забыла, кем именно. Он ведь мог уехать куда-то, но не сдвинулся с места. Быстро смекнул, что дешевле, чем тогда, он ничего построить уже не сможет. По документам он раньше жил там в бараке, и я понимаю его

желание изменить условия проживания. Значит, сам уезжать не захотел и сына с горем пополам в большой город отпустил. Дед тот вообще был шибко проницательным. Будто бы заранее знал, что городок не умрет, восстановится со временем. И ведь угадал! Потихоньку-помаленьку, но люди стали возвращаться. А теперь там совсем все удивительно. Власти пристроились, не поверишь, к киноиндустрии. Все это не просто так, а по серьезной причине: в те места еще с шестидесятых годов приезжали снимать фильмы. Там же сосны, озера... самое то для съемок! Вот мэр города и перекроил все под съемочную площадку. В городке появилось множество гостиниц для киношников, транспорт для их же нужд, все памятники и храмы отреставрировали, а некоторые так круто выглядят сейчас, словно к ним время и не прикоснулось. Я фотки видела, там очень круто. Построили там разные павильоны с интерьерами всякими. Ты же, наверное, наше кино не очень часто смотришь? А ведь, по статистике, хоть одна сцена из каждого фильма, но снята в тех местах. В общем, дело наладилось. Никакой промышленности там теперь нет, все заточено под турпотоки и пожелания кинокомпаний. Теперь туда туристов привозят, которые опять же платят деньги за экскурсии и про-

живание, а на улицах можно встретить актеров и режиссеров.

— Это все тебе Вова рассказал?

— Он мне мало что объяснил, но остальное я не додумала, а собирала по просторам интернета. Вовка там никогда не был. Теперь, сказал, надо поехать и что-то решить с домом окончательно. То ли продать, то ли наконец отстроить его. Поехали, а?

Чем дольше Ольга промывала мне мозг, тем сильнее становилось желание посетить чудесное место. Но я все еще не хотела соглашаться. Город, о котором шла речь, находился в двенадцати часах езды от Тарасова. Если я приеду туда сегодня вечером и впаду в кому от увиденного ужаса, то уже никуда до утра не денусь, придется оставаться на ночь, а я очень не любила ночевать не в своей постели.

— Смотри, вот фото, — протянула Ольга свой телефон.

И я почему-то сломалась. Полистала фотографии. Сначала не проняло. Природа как природа. Красиво, не более. А потом в голове тюкнуло: «Иванова — зануда».

И ведь не поспоришь.

Ольга, неловко покачавшись на пороге, вернулась в кухню. Снова хлопнула дверь хо-

лодильника, щелкнула зажигалка, послышался негромкий голос Вовки. Меня ждали.

Упаковав ноутбук, я опять взяла сумку в руку. Тяжеленькая. Вот теперь то, что надо.

— Эй, молодые! — крикнула я, опуская сумку на пол. — Кофе остался? А то я еще ни глотка не выпила. Сейчас дерну — и в путь.

...

Добрались без приключений. Вовкино наследство нашли сразу — благо дедуля решил строиться недалеко от центра населенного пункта, который, как я выяснила по пути, все-таки именуется городом.

Дом был обнесен бетонной оградой. Бросив машину возле глухих ржавых ворот, Вова выбрался из салона, сделал два шага вперед и остановился. Мы с Ольгой, кряхтя и охая после долгого нахождения в сидячем положении, проделали то же самое.

— И как сюда попасть? — бодро поинтересовалась подруга. — Просто так не пролезешь, видите?

Ворота действительно украшал массивный замок.

— Нас должны были встречать, — объяснил Вовка. — Договорились, что я позволю, как только сверну с трассы в сторону города.